

Слух Сяо И уловил смех; зрачки сдвинулись к краям, он бросил незаметный взгляд и вновь отвел взор.

Под поразительным контролем Сяо И над духовной энергией температура постепенно рассеялась, и в итоге в воздухе сформировался ледяной мост.

В тот момент, когда Сяо И убрал руку, Цинь Чаньюань хлопнул в ладоши, искренне восхищаясь:

— Великолепно.

Сяо И равнодушно взглянул на него, его голос был ровным:

— Это ничего особенного. Если бы здесь был Истинный человек Унянь, он бы справился гораздо лучше.

Цинь Чаньюань подумал:

«Нет-нет, это уж точно не для меня, брат».

Хотя этот ледяной мост был возведен в спешке, в нем не было недостатка в деталях. Боковые перила отличались изысканной красотой, и при внимательном рассмотрении на каждой стойке можно было заметить изящных маленьких львиных фигурок.

Более того, позы и формы каждого львенка были уникальны.

Цинь Чаньюань посмотрел на Сяо И с глубоким почтением, во взгляде промелькнуло нечто особенное.

Сяо И, чувствуя себя не в своей тарелке под его пристальным взглядом, сжал губы и пояснил:

— Этот мост не мое изобретение. Я просто полностью воспроизвел в памяти образ одного моста.

Цинь Чаньюань невзначай заметил:

— Значит, этот мост для тебя очень важен, раз ты помнишь даже такие мелкие детали.

Сяо И ничего не ответил и шагнул на ледяной мост.

Цинь Чаньюань внезапно преградил ему путь:

— Эй, погоди. Раз уж мост получился таким красивым, не хочешь дать ему имя?

Сяо И покачал головой:

— Не нужно.

Сказав это, он решительно ступил на мост и не оглянулся.

Цинь Чаньюань бросился следом:

— Раз ты не дашь ему имя, это же просто кощунство. А если я придумаю? Раз ты его создал, и мы идем по нему вместе, как насчет назвать его Мост Юань? Я немного потерплю, пусть твое

имя будет впереди.

Уголок губ Сяо И едва заметно дрогнул:

— Неплохо, но лучше назвать его Мост Суюань.

Цинь Чанъюань фыркнул:

— Это слишком неудачное название, Мост Июань вполне сойдет.

Сяо И больше не обращал на него внимания и медленно, шаг за шагом, поднялся по ледяному мосту.

Цинь Чанъюань скривился и поспешил за ним.

—

Они благополучно добрались до противоположной стороны. Приземлившись, Цинь Чанъюань рассмеялся:

— Хорошо, что я не боюсь высоты.

Теперь, когда взошла заря и появился свет, чернота перед глазами Сяо И наконец рассеялась.

Он первым заметил Цветок Небесного Аромата и указал подбородком вперед:

— Вон там.

Цинь Чанъюань посмотрел туда же и увидел, что примерно в трех футах под обрывом стоит белый цветок, колышимый ветром. Хрупкий стебель выглядел настолько нежным, что казалось, вот-вот сломается от ледяного ветра.

Цинь Чанъюань призвал меч Каньбуцзянь и сказал Сяо И:

— Подожди меня, я скоро вернусь.

Сяо И молча посмотрел на него и тихо произнес:

— Осторожнее.

Цинь Чанъюань знаком показал, чтобы тот не волновался, и в следующее мгновение, направив духовную силу в меч Каньбуцзянь, бросился со скалы.

Сяо И приподнял бровь, оставаясь безучастным к этому самоубийственному поступку.

И действительно, через мгновение снизу донесся слабый голос:

— Сяо И, Сяо И, ты меня слышишь? Великий господин Сяо?

Сяо И подошел к краю обрыва и, глядя свысока на Цинь Чанъюаня, выдавил:

— Что?

Цинь Чанъюань одной рукой цеплялся за рукоять меча; Каньбуцзянь был целиком погружен в скалу. Его щеки покраснели от холода, и он, повиснув на рукояти, согревал замерзшие руки

дыханием, затем улыбнулся Сяо И:

— Ты меня вытащишь?

Сяо И присел и протянул руку Цинь Чаньюаню.

—

Задание было успешно выполнено, и когда они вернулись в Академию, уже наступил вечер. Передав Цветок Небесного Аромата заказчику, они получили расчет очков — каждому досталось по двести пятьдесят баллов.

Цинь Чаньюань прикинул, что нужно накопить немного очков, чтобы потом отдать долг Лу Жоцзя.

Сяо И первым попрощался. Цинь Чаньюань тоже устал и хотел пойти поспать, поэтому не заметил странного выражения на лице Сяо И.

Сяо И был погружен в раздумья. Он точно не назначал Великое состязание сферы Чуйтянь, так откуда же взялись слухи о первом раунде? Даже такие новички, как Цинь Чаньюань, знали об этом, а он, как наставник Академии, ничего не знал.

В его глазах сверкнула угроза. Шесть старейшин, три инспектора — он должен был хорошенько допросить каждого, чтобы выяснить источник утечки информации.

—

Тело Цинь Чаньюаня ныло от усталости, но дух был возбужден — побочный эффект пилюли отказа от пищи. Он вертелся с боку на бок, не в силах уснуть, и в конце концов, пока было еще темно, встал и вышел во двор. Но едва он сделал шаг, как услышал шорох у деревянной изгороди.

Он приподнял брови и на цыпочках подошел к калитке.

В лунном свете он увидел зеленую фигуру, согнувшуюся пополам, словно гусеница, и протягивающую руку, чтобы что-то подсунуть во двор.

Цинь Чаньюань взгляделся внимательнее: это было письмо.

Человек, казалось, боялся быть пойманным и двигался очень осторожно. Цинь Чаньюаню стало смешно, и он, словно отъявленный хулиган, внезапно распахнул калитку, нарочно кашлянул и с насмешкой произнес:

— Не знаю, что привело вас сюда в такой поздний час, молодой господин?

Зеленая гусеница, казалось, пережила страшный шок. С воплями он отскочил назад на несколько шагов, закрывая руками грудь, словно невинная девушка, которую ограбили при свете дня. Цинь Чаньюань нахмурился:

— Потихе. Если ты меня разбудишь, я тебя не трону, а вот тот, кто живет напротив... знаешь ли, он очень свирепый.

Зеленая гусеница, казалось, перепугался. Он с ужасом посмотрел на соседний двор и громко сглотнул.

Цинь Чаньюань фыкнул:

— Пфф.

Но в следующую секунду он разглядел лицо и приподнял брови:

— О, это ты, молодой господин Хо Лань.

Услышав голос Цинь Чаньюаня, молодой господин Хо Лань побледнел. Теперь, когда его узнали, он резко сказал:

— Это я, и что?

Цинь Чаньюань скрестил руки на груди:

— Как, днем стесняешься со мной разговаривать, а ночью тайком шлешь любовные записки?

Лицо Хо Ланя мгновенно покраснело:

— Ты... не переходи границ! Это мой господин Се велел мне передать тебе извинения!

Цинь Чаньюань усмехнулся:

— А... письмо с извинениями, значит.

Хо Лань тяжело дышал, видимо, Цинь Чаньюань вывел его из себя.

Цинь Чаньюань создал небольшой шарик духовной силы для света, осветив это место, и протянул руку ладонью вверх:

— Давай сюда.

Хо Лань посмотрел на чистую ладонь Цинь Чаньюаня, поколебался мгновение, набрался смелости и положил письмо ему в руку.

Цинь Чаньюань взял письмо:

— Ладно, уже поздно, ступай спать.

Хо Лань удивился:

— Ты не посмотришь?

Цинь Чаньюань:

— О... ты хочешь, чтобы я прочитал его тебе вслух? Тебе, значит, нравится такое...

Хо Лань быстро поднял на него глаза, лицо снова вспыхнуло:

— Ты смеешь!

Цинь Чаньюань хмыкнул:

— Ладно, пустяки. Я тебя прощаю, что ли, мне еще с тобой спорить?

Хо Лань посмотрел на него, желая что-то сказать, но промолчал.

Цинь Чанъюань:

— Чего?

Хо Лань произнес:

— Цинь Чанъюань, запомни: тебе никогда не победить моего господина. В прошлый раз на испытании духовного алтаря тебе просто повезло, ты не сможешь выигрывать каждый раз. Через три дня, на Великом состязании сферы Чуйтянь, мой господин обязательно займет первое место.

Цинь Чанъюань:

— О, понял, твой господин самый сильный. Я хочу спать, проваливай, молодой господин Хо Лань?

Столкнувшись с таким пренебрежением, Хо Лань стиснул зубы и, чувствуя себя униженным, ушел.

Цинь Чанъюань взял письмо с извинениями, вернулся в комнату и, даже не взглянув на него, бросил в ящик стола.

Он понимал, что Хо Лань принес извинения только под давлением Се Вэньжуня, и слова в письме, наверняка, были пустыми и бессмысленными.

Неискренние извинения хуже, чем отсутствие таковых.

Он отпустил Хо Ланя просто потому, что не хотел возиться с этим.

О чем спорить с ребенком.

Просто через три дня, в первом раунде Великого состязания сферы Чуйтянь, ему нужно подготовиться.

Ведь с таким сильным противником, как Сяо И, ему нужно заставить великого господина Сяо признать поражение.

Что до остальных, он пока не ставил их в счет.

На следующий день в сети изначального духа появилось новое сообщение.

Дата открытия сферы Чуйтянь назначена на март следующего года, осталось шесть месяцев. В состязании примут участие первые пятьдесят учеников Академии Чжунчжоу, которые будут сражаться за меч Чюнь. Эти пятьдесят учеников, несомненно, будут лучшими в Академии, чтобы иметь право соревноваться с учениками других академий и семей.

<http://bllate.org/book/16414/1487444>